

4. Потапова О. І. Лексико-семантична група викривлення істини (на матеріалі лексики англійської мови) // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 93-98.
5. Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та. – 1999. – Вып. 2. – С. 69-75.
6. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.
8. Фролова І. С. Вербалізація конфлікту у дискурсі // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х.: Константа, 2005. – С. 237-262.
9. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
10. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – 2000. – № 6. – С. 43-67.
11. Bugarski R. Discourse of War and Peace // Folia Linguistica. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – № 34. – P. 129-145.
12. Christian Science Monitor. – Vol.3, Issues 18-25. – 2003.
13. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1994. – P. 396-439.

Дудолодова О. В. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕДИА-ДИСКУРСА

Возникновение нового вида дискурса, который называют медиа-дискурс, медийный дискурс или дискурс СМИ, обусловлено тенденциями интернационализации и глобализации, развитием современных телекоммуникационных технологий в мировом сообществе. Данная статья посвящена анализу подходов к исследованию медиа-дискурса, проблема которого широко обсуждалась западными учеными (Дж. Оруэлл, Т. ван Дейк), а интерес к его изучению и на сегодняшний день не ослабевает. Несмотря на тот факт, что сам термин «дискурс» до сих пор не получил четкого и однозначного определения, уже появился новый термин «медиа-дискурс» (и соответственно новая область исследований – медиа-лингвистика), который также имеет различные толкования. Вместе с тем, не всегда ясно, что именно подразумевается под термином «медиа», не определена основная единица и методы анализа данного типа дискурса.

В первой половине XX столетия языкознание на протяжении долгого периода было сосредоточено на изучении языковой системы, однако, начиная со второй половины 60-х годов, центр внимания лингвистов переносится на другую сторону этого диалектического единства – речевую деятельность и ее продукт – дискурс, формальные характеристики которого были определены в 1952 году З. Харрисом [10, с. 100]. В результате антропоцентрического поворота в современном языкознании центральной проблемой изучения стал человек как создатель и потребитель вербальных сообщений, которые сегодня анализируются на качественно новом уровне исследований – на уровне дискурса.

Целью данной статьи является уточнение понятия дискурса, сравнительный анализ публицистического и медиа дискурсов, а также постановка проблем для дальнейшего изучения.

Среди актуальных проблем современной лингвистики исследованию дискурса принадлежит особое место, поскольку «дискурс является единым организмом, в котором одновременно реализуются самые разнообразные аспекты не только языка, но и языкового мышления» [6, с. 202]. Сегодня понятие дискурса и ряд родственных ему понятий нередко употребляются как взаимозаменяемые. Попробуем разграничить эти понятия, с целью дать определения публицистическому и медиа дискурсам.

Дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации, коммуникация без дискурса невозможна [3, с. 115]. При этом понятие *коммуникации* также лишено однозначной трактовки. Наиболее общим является взгляд на коммуникацию как на целенаправленный процесс, служащий для передачи сообщения, для семантико-символического взаимодействия, одним из средств которого является речь, а знаковой целостной формой организации – текст [6, с. 32].

Таким образом, под коммуникацией понимаем процесс взаимодействия адресанта – автора текстового сообщения и адресата – читателя с целью получения информации. Этот процесс включает как объективно существующий экстралингвистический контекст, так и вербализованную речемыслительную деятельность, привязанную к данному контексту, т. е. дискурс, продуктом которого и есть текстовое сообщение.

В современной лингвистической литературе достаточно распространенным является рассмотрение речи, преимущественно устной, как феномена тождественного дискурсу. Такое понимание восходит к французской традиции, представители которой отождествляют дискурс с семиотическим процессом, «который... следует понимать как все многообразие способов дискурсивной практики, включая практику языковую и неязыковую...» [7, с. 40]. Дискурс трактуют также как особое использование языка для выражения ментальности, особый мир, «за которым встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика» [8, с. 42-44]. Т.о. общим для всех приведенных выше трактовок является определение дискурса как речевого продукта, в котором имплицированы социальные структуры и правила.

Текст как ценностная знаковая форма организации речи, участвует в обмене коммуникативной деятельностью в качестве предметно-знакового носителя обмена» [6, с. 69]. Будучи разграниченным по способу репрезентации на устный и письменный, текст не имеет ограничений по протяженности, он может равняться слову, словосочетанию, предложению, если они представляют самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом [6, с. 27]. При этом все функционально-жанровое, стилистическое разнообразие текстов не позволяет дать единого определения, т. к. каждый текст в процессе коммуникации имеет особую структурно-композиционную, семантико-смысловую, интенционально-прагматическую природу.

Таким образом, можно говорить, что текст как форма организации речи в процессе передачи сообщения является более узким понятием, чем дискурс, который следует рассматривать не только как само речевое произведение, но и как деятельность, взятая в совокупности процесса и результата, в ходе которой и порождается речемыслительный продукт [3, с. 113; 9, с. 35].

Такой трактовке соответствует определение А. Е. Кибрика, согласно которому дискурс – это «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в

процессе общения текст» [цит. по: 6]. Данная трактовка коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, определяющей дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира [3, с. 111; 6, с. 22].

Учитывая все вышеизложенные характеристики дискурса, наиболее емким представляется следующее определение: «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [3, с. 112].

Таким образом, дискурс реализуется в двух планах: собственно лингвистическом и лингвокогнитивном. Первый отражается в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс) [3, с. 200-201].

Рассматриваемый с точки зрения результата, дискурс предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе его как процесса дискурс представляет собой вербализуемую речемыслительную деятельность.

Учитывая различие ментальных структур разных этнокультурных социумов, пользующихся разными языками, представляется возможным говорить о различных этнокультурных дискурсах. При этом логичным кажется выделение в этнокультурном дискурсе многочисленных его типов (или модификаций), определенным образом «адаптированных» в соответствии с той сферой человеческой жизнедеятельности, в которой он функционирует [3, с.202].

Различные типы дискурса обладают своими специфическими чертами, поскольку экстралингвистические аспекты, находя свое отражение в тексте, преломляются не только через лингвокультурный уровень языковой личности (т. е. вариативную картину мира индивида, которая базируется на общей для эпохи и для данного лингвокультурного социума базовой инвариантной картине действительности), но и через прагматический уровень языковой личности (т. е. специфику мотивов и целей ее поведения, управляющих текстопроизводством, иерархию смыслов и ценностей) в ее языковой модели мира [8, с. 37].

В рамках одного лингвоэтнокультурного дискурса (украинского, русского, английского) можно выделить различные типы в соответствии со сферой использования; как, например, эстетический, научный, педагогический, юридический, политический, кинодискурс, теледискурс [3, с. 202].

Попытку описать общие свойства различных дискурсивных типов предпринял, в частности, Г.Г. Почепцов (мл.). Предметом его анализа являлись тексты, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают существенные ограничения на акты высказывания, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью [5, с. 27].

В результате прагматической дифференциации всего дискурсивного массива языка термин «дискурс» выступает в метонимическом значении: как тип дискурсивной практики, протекающей в определенной социальной сфере или институциональной области общественных отношений [6, с. 8-11].

В таком толковании понятие «дискурс» сближается с понятием «функциональный стиль». Среди основных характеристик стиля выделяют: ситуативность, т. е. привязанность приемов и средств выражения к определенной коммуникативной ситуации; целенаправленность, т. е. подчиненность выбора цели коммуникации; избирательность выбора; стереотипичность, т. е. зависимость выбора от существующих в данном лингвокультурном социуме стереотипов социальных ролей, целей деятельности и т. д. [6, с. 98-105]. В плане разграничения стиля и дискурса весьма продуктивным представляется определение стиля, базирующееся на учете вышеперечисленных свойств, как ситуативно обусловленного стереотипного способа осуществления вербальной коммуникации на основе общественно-осознанного выбора определенных языковых средств и принципов их интеграции в речи, тексте [6, с. 332].

Опираясь на данное определение стиля, можно утверждать, что если дискурс представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [3, с. 200], то стиль есть один из способов осуществления этой деятельности, варьирующихся в зависимости от ситуативного контекста (т. е. сферы речекоммуникативной деятельности).

Учитывая все вышесказанное, можно говорить о публицистическом дискурсе как об институционализированной речемыслительной деятельности, имеющей два плана (лингвистический и лингвокогнитивный) и осуществляемой в рамках печатных средств массовой коммуникации (газеты, журнала), которые определяют способ ее осуществления, формы организации (текст) и основные характеристики.

Главными коммуникативными стратегиями, которые обуславливают выбор языковых средств разных уровней, характерных для публицистического дискурса, являются информирование и воздействие. Реализация этих стратегий обуславливает наличие одного из главных признаков публицистического дискурса – регулярного чередования и контрастирования стандартизованных и экспрессивных языковых средств. Экспрессивность обеспечивает эмоциональное и эстетическое влияние на адресата. Стандартизация, основанная на воспроизведении зачастую клишированных и оценочных языковых средств, денотативно соотносимых с регулярно повторяющимися фактами и явлениями социально-культурной жизни, является одним из способов идеологического влияния, навязывающего адресату определенные стереотипы. Кроме стратегий информирования и воздействия, во многом определяющих специфику публицистического дискурса, выделяют также аналитическую и развлекательную стратегии, предполагающие разные способы подачи фактуального материала для облегчения восприятия [1, с. 33-35].

Таким образом публицистический дискурс можно рассматривать и как подвид политического дискурса, неразрывно связанный с идеологией и властью: с одной стороны, идеология влияет на его формирование, на выбор языковых единиц, а с другой, этот тип дискурса – эффективное орудие воздействия на общественные процессы, в том числе на формирование определенной идеологии.

Определив публицистический дискурс, вернемся к понятию медиа-дискурса. Распространенный во всем мире, этот тип дискурса отличается множеством форм: устная, письменная и электронная. Сегодня информация передается не только в виде текстов, но и различных образов. Развитие технологии «мультимедиа» значительно изменяет традиционные представления о тексте. Особенностью многих видов дискурса сегодня является их опосредованность средствами массовой информации. СМИ – важнейший участник политической, официально-деловой или развлекательной коммуникации.

По мнению некоторых авторов, соотношение логического и эмоционального, книжного и разговорного в дискурсе массовой информации подчинено соотношению экспрессии и стандарта [2, с. 350]. Учитывая тот факт, что главными функциями всех СМИ (радио, ТВ, прессы) являются информирование и воздействие, по сути получаем определение, близкое публицистическому дискурсу.

Безусловно, в СМИ мы сталкиваемся с признаками, свойственными и разговорному стилю, и художественному, а также деловыми и научными примерами словесности. Особое внимание ученых привлекает новейшее средство массовой коммуникации – Интернет, которое невозможно отнести к какому-либо одному функциональному стилю или типу дискурса вследствие смешения большого числа стилей и жанров (газетно-журнальные публикации, документы, художественные произведения, дневники, блоги, чаты) и потому заслуживающее отдельного названия и методов исследования.

Дискурсивный уровень исследования масс медиа, в отличие от контент-аналитических (количественных) методов, позволяет раскрыть содержание конкретных медиа-сообщений, их контекстуальные параметры, структурные особенности и приемы их формирования [4]. Единицей анализа может выступать высокоинформативное высказывание, поддающееся толкованию в разных семантических системах, при этом содержащее некую интригу, независимо от степени своей протяженности (т. е. текст) (см. определение выше) [11, с. 7-9]. При этом внимания исследователей заслуживает не только целостность текста, но и отдельные приемы, используемые в таком тексте, эксплицитно либо имплицитно выраженные идеи, представления или интенции, присущие каждому высказыванию и являющиеся общей установкой, направленностью текста на реализацию определенного результата (к примеру, легитимацию некой социальной проблемы).

Медиа-дискурс как некий «глобальный» тип дискурса считаем модификацией публицистического дискурса, которая отражает статус-кво в обществе, сочетает множество стилей и жанров, являясь наиболее адекватным контекстом для исследования как сугубо лингвистических, так и экстралингвистических аспектов.

Источники и литература

1. Дудолодова О. В. Динамика языковой репрезентации филол. в английском публицистическом дискурсе (вторая половина XX в. – начало XXI в.) / Фило... филол. филол. наук: 10.02.04 / ХНУ им. В. Н. Каразина. – Харьков, 2003.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
5. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Изд-во Укр. филолог. Центра, 2000.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр., порт. – М.: Прогресс. – 1999.
8. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – 3-е изд. – М.: УРСС, 2002.
9. Шевченко И. С., Морозова Е. И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33-38.
10. Ideology and methods of Discourse Analysis / Studies in the Theory of Ideology. – L.: SAGE Publications, 1987. – Vol. 8. – P.98-127.
11. <http://www.aber.ac.uk/media/Modules/MAinTV/media-discourse.html>

Дученко Л. В., Дученко Т. С.

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИЗОБРАЖЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЫ

Настоящая работа посвящена проблемам изображенного времени, или хроноса, интерес к которым обусловлен общим интересом современной лингвистики [1], [2], [3] к более углубленному пониманию закономерностей функционирования разноуровневых единиц языковой системы в тематически и жанрово специализированном контексте. Актуальность исследования заключается в ментальной реконструкции изображенного времени как составной части хроноса и выявлении детерминирующей роли жанра на структуризацию художественного времени в целом и на его речевое воплощение в частности. Ранее нами были проанализированы темпоральные модели таких разновидностей детективной прозы как классический, крутой и полицейско-процедурный [4]. Целью данной работы является определение особенностей текстовой реализации категории времени, создающих жанровую специфику указанных подвидов детективных произведений.

Полагаем, что темпоральная структура литературного произведения воплощается в тексте с помощью Т-сигналов, речевых отрезков, содержащих темпоральную информацию (условно обозначим ее символом Т). Вся совокупность Т-сигналов образует тематическое поле времени, которое безусловно является жанрово детерминированным, поскольку в детективной прозе время – важный фактор сюжетной интриги. В данных произведениях время важно, во-первых, своей текущей, ускользающей сущностью: с точки зрения позитивных героев его всегда недостаточно. Эту сущностную ипостась художественного времени выражают Т-сигналы типа *time, term, deadline*. Во-вторых, время важно своими метрическими параметрами: дня детективного сюжета решающими оказываются сведения о том, когда произошло событие X и сколь долго длилось событие Y. Эта ипостась времени выражается Т-сигналами типа «*the crime was discovered at 1 a.m in the morning of the 22nd*» или «*he was absent for an hour and a half*. Кроме того, процедура полицейских и следственных действий подлежит хронологической упорядоченности и регламентации: «*in the statement of forensic investigation dated 29 December 1986 it was noted...*»